

ольга аникина

КАРТОГРАФИЯ
книга стихотворений

Евразийский журнальный портал «Мегалит»
2016

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=2Рус) 6-5

Ольга Аникина. Картография: книга стихотворений - сер. «Только для своих» - Евразийский журнальный портал «МЕГАЛИТ» - Кыштым, 2016 г. - 48 с.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=2Рус) 6-5

ISBN 5-87039-087-22

© Ольга Аникина, стихотворения, 2016

© Александр Петрушкин, дизайн, верстка, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Позанавесили улицу тёмную /5/
Звуки ночные в панельных домах /6/
МАМА НЕ СМОТРИ /7/
ПЯТЬ РИМСКИХ ПЕСЕН /10/
БАБА МАША /17/
Закреть себя – что книгу. Отложить /18/
Прибавляясь по капле, она проступает, проста /19/
УТРО /20/
ВЕСЕННИЕ ВЕРЛИБРЫ /21/
кошка подходит ближе, с точностью геометра /24/
НАБЕРЕЖНАЯ /25/
ПРОСПЕКТ НАУКИ /26/
СЕДЬМОЕ ЯНВАРЯ /27/
ЯБЛОЧНЫЙ СПАС /28/
ГАЛКИ /29/
ТЕНЬ /30/
ЛЕСОПАРК /31/
ВОЛЫНЩИК /32/
29 ФЕВРАЛЯ /33/
Дитя, сидящее взаперти /34/
Всё крыши и крыши, и небо с трубой /35/

я говорю: привет, ты говоришь: приват /36/

Бульвары, третье и садовое /37/

М-8 /38/

...И запрокинешь голову едва /39/

Какой невнятицей утешиться /40/

Вдоль дорог, за косыми заборами /41/

благодарю тебя, время боления /42/

СТИХОТВОРЕНИЕ ИЗ ЧЕРНОВИКА /43/

ДЕКАБРЬ. БЕЛОЕ /44/

как тонкая перегородка /46/

Мои ли рука, колено /47/

Позанавесили улицу тёмную
серые крылья, сведенные клиньями,
взглядом случайным непрочно сплетённые
лёгкие капли и тонкие линии,

бурой травы прошлогодние шорохи,
водоросли дребезжащего знания,
что растворяются в шуме и скорости
и на земле не имеют названия,

тают, морочат, и по небу стелятся
в сонном чаду над домами незрячими,
и серебрятся, и тлеют, и теплятся,
только дыханьем моим обозначены.

Звуки ночные в панельных домах
слышишь – до вздоха.
То ли соседка там бродит впотьмах,
то ли эпоха.

Голос за стенкой расплывчат и тих,
фразы всё те же...
«Нет, – говорит, – я устала, прости,
ноги не держат».

Ноги не держат, и руки дрожат,
стянуты жилы...
«Нет, – говорит, – я не буду рожать».
Значит, решила.

Голос ли, голубь ли, крыльями взмах,
из-за стены мне ...
Звуки ночные в панельных домах,
звук ночные.

МАМА НЕ СМОТРИ

-1-

Это ты мои ноги стянула бинтом,
Чтоб шаги были мельче и уже.
Это ты родила мою плоть, а потом
Мою молодость съела на ужин.

Это ты это ты это ты это ты
припасала резец и лекало,
наклонялась ко мне со своей высоты
и сосками мой рот затыкала.

Знаю: выхода два, выбираю любой,
так навеки приучено тело –
делать то, что приказано было тобой
или что-то назло тебе делать

я давно не тяну свой волшебный билет,
я давно ничего не решаю,
и, как прежде – меня ещё будто бы нет,
ну, а ты... Ты большая, большая.

-2-

чем послушной дети,
тем они верней
думают о смерти
и молчат о ней.

вот и всё смирение:
проглотить упрёк.
вот и всё умение:
досчитать до трёх

стоя на балконе –
раз и два и три
я засну спокойно
мама не смотри

-3-

люби-люби же, сильней, лютей,
чужих людей и любых людей,
какие есть, вот таких люби –
кому приходится быть людьми,

люби любого слугу бабла,
люби любого, кто «бла-бла-бла»,
не отраженье в стекле кривом –
любилбя ближнего своего.

люби послушай а если нет
то знай, у ближнего есть кастет
и что-то острое в рукаве,
и что-то страшное в голове.

ПЯТЬ РИМСКИХ ПЕСЕН

-|-

я наберу в этом городе красок,
розовой и терракотовой,
нежно-салатовой, жёлтой.
я унесу их
в розе, приколотой к шарфу.
я унесу их
в сомкнутых веках,
в прядях волос,
что отрастают и помнят.
краски, краски,
дудочки радости,
кофе, корица, хна, мандарин,
известь, кирпич, мармелад и песчаный
ветер,
ни слова, ни буквы, одни
краски
и патина звука воды
в каменных пальцах фонтана.

-||-

Февраль, примавера , римские колокола.
На площади бойкий араб продает треногу.
Цезарь глядит на небо, никак не привыкнет к новому богу.
Я каждую ночь во сне обнимаю
чи- то мраморные тела.

Белый огонь Сан-Пьетро
по утрам стекает на холм.
Улицы пахнут жареным сыром - вкусы у римлян просты.
Небо вдыхает хохочущих чаек
и выдыхает холод,
но статуи здесь улыбаются так же,
как улыбаешься ты.

Ночью над Тибром взлетают факелы, плаваются фонари
и сразу становятся прошлым,
и я принимаю это.
Свои золотые ладони
над тобою смыкает Рим,
и укрывает тебя куполом света.

-III-
[Луция]

Луция приезжает под утро, бросает кроссовки в прихожей, дышит
куда-то тебе в плечо,
и вся состоит из золотистых частиц.
Луции нравится та кровать, что стоит высоко под крышей:
там - потолочные балки
и слышно утренних птиц.

Острые коготки касаются черепицы.
Крылья о воздух бьются.
Несколько ударов – и тишина,
и уже любое движение кажется лишним.
А после Луция курит, и ты говоришь ей: Луция,
открой окно, невозможно дышать,
но ты на неё не злишься,

не сердись даже на то, что она ругается, обувая
кроссовки,
что её мотоцикл
будит соседей, как новый Везувий.
Утром по Виа Национале
едут, звенят трамваи,
и день начинается, как и прежние,
громок, безумен.

Кривая ветка каштана состоит в родстве с тёплым коленом,
которое снова ляжет к тебе на бедро,
но сегодня – уже едва ли.
И, отраженное
лужей, витриной,
мотоциклетным шлемом –
рассыпается солнце
надВиа Национале.

-IV-

И брызжет день – из померанца выжат,
и ночь горька, как цитрусовый жмых.
Идёшь, идёшь – и, кажется, всё выше
всплывают к небу камни мостовых.

Кто написал серебряным графитом
на обелиске яростных побед:
Respondemihī, Dimitemihī, Audite?.. *
И тишина кругом,
и свет, и свет.

**Ответь мне, Господи, помилуй меня, услышь*

-V-

[ultima]

Ты помнишь, за церковью пёстрый лоток,
где ангел пластмассовый к тенту пришит?
Купи мне, пожалуйста, шейный платок.
Я видела синий, он стоил гроши.

Лежал и дышал он, и был как цветы,
что светом крестились и в свет облеклись.
Как ветер под солнцем,
как платья святых,
как в смуглой руке флорентийская кисть.

Глаза рыбака: он бросает блесну.
У мраморной барки отбито весло.
Полжизни на зиму, полдня на весну,
а все остальное – еще не пришло,

ещё не укутался зеленью парк,
и сонные лица у кариатид,
и курят за курией Кассий и Марк,
и жив триумфатор до мартовских ид,

и щедро раскрыты ладони лотка.
Над вечной рекою восходят огни.
Вот эту прозрачную синюю ткань
накинь мне на шею, вокруг оберни.

БАБА МАША

«Когда одна — не страшно. Легко, когда одна....»
Слепая баба Маша шагнула из окна.

И медленно летело вверх кленовых крон
её слепое тело над маленьким двором.

Летело над подъездом, над вывеской «Продмаг»,
и было интересно понять — как это так,

что означает этот неведомый полёт?
...удушливое лето, восьмидесятый год,

И запах жжёной каши... и детская вина...
И в небе — баба Маша, летит, совсем одна.

Закреть себя – что книгу. Отложить
и вымолчать с начала и до сути.
И получить в сухом остатке соль.
И пусть страницы ветер ворошит,
и пусть толпа гудит, а судьи — судят,
и ночь проходит по небу с косой, —

не перечитывать, а выйти вон,
туда, где прежде было лишь молчанье,
шагнуть в его нечаянный зазор,
где, кажется, не будет ничего...

Но верить, что молчанье означает
не смерть, а просто сон перед грозой.

Прибавляясь по капле, она проступает, проста
по составу, по сути – как соль ободками по луже –
неизбежная чужость на самых глубинах родства,
неизбывная чужость.

И когда, отторгаясь, окажешься ей обожжён,
что запомнится? Контур стекла, занавески в прорехах...
Так, случайно оставшись в приветливом доме чужом,
всё равно
ищешь повод уехать.

УТРО

Вдоль залива – заросшая пустошь,
резеда, а вдали – поезда.
Ты отпустишь меня, ты отпустишь,
как обычно, не спросишь, куда.

Просто утро сегодня такое:
в ветках ветер, как птица, снуёт,
и тропинка, где мак и левкой,
я, пожалуй, запомню её,

возле лестницы брошенный веник,
охраняющий дачный уют,
я запомню блестящий кофейник,
пару чашек, мою и твою,

и невольно почувствую, чем я
скоро стану, в тени, в тишине,
где стрекозки оскаленный череп,
как своей, улыбается мне.

ВЕСЕННИЕ ВЕРЛИБРЫ ТРИПТИХ.

-1-

[Кубизм]

Воздух в городе
разделён вертикалями стен,
горизонталями трасс,
параллелями вышек,
меридианами проводов.

угловатые глыбы воздуха
смещаются, наползают одна на другую,
скрежещут, раскалываются на части,
рушатся,
падают на землю,
катятся, сбиваются в кучу...

так в городе движется время.

-2-

[Март]

Разрушенное кладбище:
выброшенные вещи,
погребённые потери –
всё оттаивает
и проступает наружу.
Поблёкшие тени
просят поминовения
молча.

И это так сильно бросается в глаза,
что ощущается узаконенное святотатство.

-3-

[Мечта]

Когда я честно
и добросовестно
досижу
до звонка с последнего урока,

растрёпанная
и счастливая,
я перелезу через ограду
и растянусь под яблоней.

Когда лежишь под цветущим
деревом,
тройки по математике
не имеют никакого значения.

кошка подходит ближе, с точностью геометра
рисует круг и садится, перекатывая в гортани
камень за камнем, и там, в тёмных кошачьих недрах
рушатся города, закипает вода в иордане,

читает псалмы убийца, калеча слова губами,
ходят убитые, бьют в свои чёрные барабаны,
трескаются зеркала и в их дымчатой амальгаме
только дисмасы, только гестасы, варраваны,

тяжёлая, древняя дрожь земли, это скачут кони монголов,
стальные машины, рыча, прокладывают траншеи.
и слышно еще, как одна из нас перегрызает горло
другой,
и слышно, как я молчу, наклоняя шею.

НАБЕРЕЖНАЯ

летит по небу чайка, а вслед за нею две.
ничейная собака купается в неве.

сидит на пирсе мальчик с брошюркою «коран»,
и смотрит на кораблик, который ресторан,

где надпись кока-кола и надпись мегафон,
и маленький исакий и маленький грифон.

купите сувениры, магнитик и значок,
лоточнику на водку, а вам господь зачтёт.

парковка, хонда, опель и несколько тойот.
стеклянный барабанщик по стеночке встаёт.

трубач уже не может. он сам свой высший суд.
не спи, не спи, художник.

рисуй, тебя спасут.

ПРОСПЕКТ НАУКИ

А я иду, а буквы горят:
Носки. Колготки. Кожгалантерея.
На вынос суши. Вок. Спагеттерия.
Великолукский мясокомбинат.

Планета Фитнес. Туры в Сингапур.
Аптека. Секондхенд. Живое пиво.
Купальники. Салон «Альтернатива»
Кебаб. Хот-дог. Купите наших Кур.

Я вывесок читатель и витрин.
Я не куплю, мне куда не надо,
ни в бар, ни в банк, ни в красную бригаду,
я просто «Мене, текел, упарсин».

Плывёт проспект, зачитанный до дыр,
И голова плывёт, качаясь, к дому.
Вечерний гул, и толчея, и гомон.
Сбербанк. Шаверма. Цветопторг. Тандыр.

СЕДЬМОЕ ЯНВАРЯ

Мокрой тряпкой размазаны лужи,
Святой Дух воспарил над водой.
Моют в храме полы перед службой,
как в больничной палате пустой.

Вверх по стенам смещаются тени
от скелетика талой свечи.
Подождёт Преподобный колени,
чтоб сандалии не промочить.

И, укутав дитя покрывалом,
оглядит Богоматерь углы,
и припомнит, как тоже, бывало,
подметала и мыла полы.

Вот и топчешься, шепчешь у входа:
не покинь, дескать, грешного, мя...
И пройдёт из апостолов кто-то,
мимо, ведрами грозно гремя.

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

Вот он встаёт и говорит: «пора».
Мы провожать выходим за ограду.
И выдох света зыблется над садом,
и облако восходит, как гора.

А человек проходит сквозь лучи.
Он исчезает в грохоте над рельсами.
И свет идет лампасными разрезами,
и воздух обезболенный молчит.

Горит шиповник в киноварной рже,
до пурпурного доходя предела.
На опустевшем небе конус белый
дрожит, как будто масло на ноже

ГАЛКИ

Гуляют больничные галки
У въезда в приёмный покой.
Лежит человек на каталке
И машет кому-то рукой.

Он ждёт, ему вовсе не к спеху,
Но, сонно всплывая в дыму,
Он видит, как медленно, сверху
В ответ кто-то машет ему.

Он машет, пока не вкатили,
Пока есть живая рука.
И галочки чёрные крылья
Слетают к нему с козырька.

ТЕНЬ

И днём, и по ночам за мною ходит тень,
закутанная в ткань бескрылая ворона.
Чернеет на свету, белеет в темноте,
и в снах моих становится огромной.

Когда в пустых полях качается трава,
из воздуха тайком вытягивая звуки,
колышутся её льняные рукава,
и ширятся зрачки, черны и близоруки.

И с моего плеча, как с дальнего моста
виднеется всё то, что было изначально:
и тени белизна и птичья немота,
и свет холодных век, и рукавов качанье.

ЛЕСОПАРК

Поэту хочется убиться.
Он долго смотрит в пустоту.
Потом отодвигает стул,
встаёт и уезжает в Битцу.

Там лес, окраина, дыра,
кикиморы и алкоголики.
Поэт бредет как будто голенький:
ни ножика, ни топора.

Он дома позабыл веревку.
Он в гуще радиопомех.
В его карманах – смех и грех.
Едва-едва на поллитровку.

Березовый трухлявый труп.
За поворотом плоский пруд.
В нём человечьи души варятся.
Поэт рычит и извивается,
и когти точит о кору.

Скамейки поутру в росе,
угомоненные, притихшие.
Во рту шатается двустиише,
и скоро выпадет совсем.

ВОЛЫНЩИК

прислушайся – услышишь: на лондонском мосту
стоит, стоит волынщик и дует в пустоту.

коленки ниже юбки, улыбка на усте.
из деревянной трубки нет хода пустоте.

а где-то в переходе, в москве, на «вешних вод»,
другой, нестарый вроде, мужик гармонь дерёт.

о, хриплая мембрана, привет моей тоске.
и вышел из тумана.
и ноет в глыбоке.

29 ФЕВРАЛЯ

Среди сплетений шелеста и звона
замедленно качается февраль.
В мелкозернистой ряби законной,
отодвигает призрачную грань
и полнится нечёткими штрихами,
и у зимы, бредущей налегке,
второе открывается дыханье
на этом дополнительном витке.

И вот минуты затекают в щели,
их контуры отчётливей и злей,
и неотступно это ощущение
вневременности длинных февралей,
когда колышешь пустоту со дна, и
весь вечер, не сомкнув усталых век,
глядишь, глядишь, как рыба ледяная
всплывает в небо серым брюхом вверх.

Дитя, сидящее взаперти,
доверчивое, как бог,
открыло дверцу в своей груди,
спичечный коробок.

А там внутри оказался жук,
рогат и бронзовокрыл,
и он по комнате сделал круг
и прямо в окно уплыл.

И с той поры мальчик смотрит ввысь,
туда, где кружат жуки,
и вместе с ними – смешная жизнь,
отпущенная с руки.

Всё крыши и крыши, и небо с трубой,
и дымом обложенный сквер.
А вместо тебя только свет голубой,
такой, как сегодня в Москве.

Он льётся на мой незатейливый быт,
на чашку, на хлеб, на огонь,
и время под окнами молча стоит,
стучит деревянной ногой.

И вместо тебя только этот поток,
и эти следы на песке.
Уходит под воду прозрачный цветок,
и я на его лепестке,

и вьётся воронка, крутя и вертя,
сужает зрачок на свету,
и улица спит, как чужое дитя,
колени поджав к животу.

я говорю: привет, ты говоришь: приват
но голос мой – чтоб петь, тело – чтоб
согревать,
больше ни для чего
в этой стране слепых
кормят с руки или же бьют под дых.

холод, боязнь собственной наготы.
– в полдень, скажи, где отдыхаешь ты?
– там, где чернеет кедр, в золоте зйн-геди,
пей молоко и мёд, и всё-таки уходи,
в свой галаад,
назад,
смоква и виноград

и утекаешь сквозь.
и проплываешь над.

Бульвары, третье и садовое.
Круги заезженные, дантовы.
Под фонарями двухголовыми
ютятся липы бородатые.

Пока вовсю чадит над пробками
огней малиновых горение,
ты в круге тесном, как на проповеди,
стоишь и учишься смирению.

И кинолентой сумрак тянется,
а день необъяснимо короток,
когда спешишь под вечер в пятницу
туда, куда спешит полгорода —

в свою нору, в своё убежище,
где за стеной соседи лаются,
туда, где ненависть от нежности
ничем в тебе не разделяются.

М-8

В потоке нужно двигаться, как все.
Вот полоса твоя. А вот чужая.
Вот мёртвый пёс на левой полосе.
Его, кто может, даже объезжает.

Обочина. Посадские леса,
и треск цикад, и жар от сонных сосен...
И этот пёс. Смотрит в мои глаза,
и фуры мчатся, и гудит М-8.

И снова – щёлк дорожного ремня.
И в небе вьётся стайка белых змеек.
И та собака, что внутри меня,
всё понимает, не скулит. Не смеет.

...И запрокинешь голову едва,
и лёгкой аркой в небе над тобою
сомкнутся — полусонная трава
и жёлтые головки зверобоя.

И ты лежишь напротив высоты,
как будто — пройден путь и долг
оплачен,
и в облаках качаются цветы,
и по тебе
никто уже не плачет.

Какой невнятицей утешиться
в тиши бессонной, полуночной,
когда в душе решенье режется
болезненно, как зуб молочный,

является сквозь тьму кромешную,
как перевал за поворотом,
как что-то очень неизбежное,
когда не скрыться от чего-то

и не пуститься на попятную,
не сесть в последнюю пирогу...
Какой молитвою невнятную
заговорить свою дорогу,

чтоб горечь писем неотправленных
оставить здесь, на полке пыльной,
где правота порой несправедна,
а благородство непосильно.

Вдоль дорог, за косыми заборами —
пустыри, пустыри, пустыри.
Я живу в умирающем городе,
словно в дереве, полом внутри.

И зелёные пятна лишайника
по стволу проступают везде,
и катаюсь я маленьким шариком
в деревянной глухой пустоте.

И осенние улицы голые,
И на старых камнях площадей
только голуби, бывшие големы,
только голуби вместо людей.

благодарю тебя, время боления,
время молчания и обнуления,
время окна с капиллярами веток,
время шлагбаума, красного света,
ртутной стрелы. высокоамплитудные
пестрые сны, одеяла лоскутные,
жар, полубред декабря, к декабрю
время причалило, благодарю

тающий сахар, в кульке шоколадные
слепки, проекция света на штору,
время беления флагов. палатные
тени плывут по пустым коридорам
к небу, от запаха хлорки и старости,
чтобы сгореть в искровом переплясе,
и, согреваемый их благодарностью,
мир ослепительно бел и прекрасен.

СТИХОТВОРЕНИЕ ИЗ ЧЕРНОВИКА

не растут слова живые,
засыпают в почве зёрна,
только черви дождевые
в верхнем слое чернозёма

облака грядую сжались,
не хватает в небе света
в дымный сумрак погружаясь,
глохнет старая планета.

горизонт обложен ватой,
и над ним в косынке белой
реет ангел чуть поддатый,
и без цели, и без дела,

манну с неба не бросает,
вниз на землю не наступит.

то ли он всех нас спасает
то ли он нас всех погубит.

ДЕКАБРЬ. БЕЛОЕ

-1-

Ну, вот и открыли все клетки, вольеры, загоны,
и вот на свободе все белые, белые звери:
одни разминают больные, затёкшие крылья,
другие – пространство победно взрывают прыжками.

Мы выйдем наружу и белой покроемся шерстью,
ну да, мы ведь тоже из стаи, и ты это вспомнишь,
взлетая из круга, под гул ветровых оборотов,
взлетая над миром, с глазницами, полными снега.

-2-

Под деревьями
расстелены на земле
палимпсесты синицы
с глаголицей голубиной.
А над ними
ослепшее небо
уснуло, сжимая
в серых пальцах кленовую ветку,
как палочку с тушью.

как тонкая перегородка,
мой зыбкий держится покой
одной лишь паузой короткой,
одной нечаянной строкой.

и, не надеясь на кого-то,
склонясь над полыньёй окна,
гляжу я в завтра, будто в воду,
а там такая глубина.

Мои ли рука, колено,

твои ли плечо, щека –
пучки световых волокон

причудливо заплелись,
образовали остов, каркас, и пока, пока
он еле висит над смыслом –
он обретает смысл,

непрочный, недолговечный.

Пока он ещё живёт.
Окно набирает воздух
и совершает вдох,
и небо так беззащитно,

как шея или живот,
пока ещё Бог – не слово,

и слово – ещё не Бог.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ
СЕРИЯ «ТОЛЬКО ДЛЯ СВОИХ»

Ольга Аникина
Картография:
книга стихотворений

www.lulu.com
www.promegalit.ru

Подписано в печать 14.03.2016 г.
Формат: 148x148 1/16
Тираж: 400 экз.